

С. В. МИРОНЕНКО

**Страницы тайной истории самодержавия.
Политическая история
первой половины XIX столетия**

<Фрагмент>

Можно ли представить себе русскую историю без восстания декабристов, без каре мятежных полков, выстроившихся на Сенатской площади вокруг памятника Петру I, без выстрела П. Г. Каховского¹ и смертельной раны М. А. Милорадовича, без картечи, знаменовавшей кровавое подавление военного бунта в сердце страны, а главное, без того широкого воздействия, которое оказало первое революционное выступление против самодержавия на все последующее развитие России? Трудно, не правда ли?

Восстание декабристов стало символом революционного порыва, первой героической главой освободительного движения. Его значение в нашей истории так велико, что оно порой как бы заслоняет собой многие важные события первой четверти XIX в.

Но, как ни странно это может показаться на первый взгляд, восстание 14 декабря принадлежит к числу тех исторических событий, которые, не будь каких-то случайных обстоятельств, вовсе могли не произойти. Если мы тщательно проанализируем все факты, которые привели к тому, что восстание свершилось, то уверенность в его неизбежности будет сильно поколеблена. События 14 декабря 1825 г. на Сенатской площади были результатом исключительного стечения обстоятельств. Случайность и закономерность так тесно переплелись в них, что разделить их практически невозможно.

В чем суть дела? Сразу нужно предупредить возможное недоумение читателей: автор вовсе не ставит под сомнение закономерность возникновения в России революционного движения. Тайные общества были рождены объективными противоречиями российской действительности, и их члены преследовали высокие и благородные цели — освободить страну от пут крепостничества и неограниченного самодержавного произвола. Речь идет о другом — о самой попытке

14 декабря 1825 г. захватить государственную власть путем военного переворота.

Об открытом выступлении — «революции посредством войск» — для осуществления заветных целей в тайных обществах помышляли давно. Но к концу 1825 г. их члены не считали себя готовыми к этому. На следующий год намечался съезд Северного и Южного обществ, который должен был обсудить разногласия, возникшие между двумя революционными центрами, а возможно, и условия совместного выступления. Неготовность участников движения к решительным действиям с полной очевидностью продемонстрировали ноябрьские события 1825 г. Напомним, что внезапная смерть императора 19 ноября в Таганроге была для всех, в том числе и для декабристов, совершенно неожиданной. Она создала сложную ситуацию. У Александра I не было детей, и на престол, согласно принятому в конце XVIII в. закону об императорской фамилии, должен был вступить старший из братьев скончавшегося императора цесаревич Константин Павлович. Вся Россия первоначально и присягнула ему. Однако внезапно выяснилось, что Константин царствовать не желает и что еще в 1823 г. были оформлены, но не оглашены документы, передающие русский престол следующему брату — Николаю. На 14 декабря 1825 г. в столице была назначена новая присяга.

Несмотря на постоянное обсуждение декабристами целесообразности открытого выступления именно в момент смены одного императора другим, первая присяга, принесенная Константину, прошла без всяких осложнений. И если бы не возникла ситуация с требованием еще одной присяги другому наследнику престола, то представившийся случай, вероятнее всего, остался бы неиспользованным. Одного теоретического замысла для реального революционного выступления недостаточно. Нужны были особые условия. И такие условия возникли в краткий период междуцарствия — во время, прошедшее от присяги Константину до присяги Николаю (от 27 ноября до 13 декабря 1825 г.). Члены тайных обществ прекрасно понимали уникальность создавшихся обстоятельств, сознавая, что не воспользоваться ими было бы равносильно отказу от собственных убеждений и целей. «Случай удобен, — писал 12 декабря 1825 г. И. И. Пущин² товарищам в Москву, — ежели мы ничего не предпримем, то заслуживаем во всей силе имя подлецов».

Но как вообще могла возникнуть эта странная ситуация? Что привело к династическому кризису, который чуть было не закончился низложением династии Романовых? Почему документы о передаче права на престол от Константина к Николаю не были своевременно оглашены и не приобрели, таким образом, силу закона? Для ответа

на эти вопросы нужно от конца 1825 г. отступить на несколько лет назад.

В октябре 1823 г. петербургское общество было весьма заинтриговано слухами о том, что в Государственный Совет, Сенат и Синод присланы запечатанные императорской печатью конверты, содержание которых сохраняется в тайне. На конверте, доставленном в Государственный Совет, имелась собственноручная надпись Александра I: «Хранить в Государственном Совете до моего востребования, а в случае моей кончины раскрыть прежде всякого другого действия в чрезвычайном собрании». По свидетельству М. А. Корфа, «публика, даже высшие сановники ничего не знали: терялись в соображениях, догадках, но не могли остановиться ни на чем верном. Долго думали и говорили о загадочных конвертах; наконец весть о них, покружась в городе, была постигнута общею участию: ею перестали заниматься».

То, что было в этих трех конвертах, а также еще в одном, отосланном в московский Успенский собор для хранения там вместе с другими историческими государственными актами, стало известно только в ноябре — декабре 1825 г. В Москве в подлинниках, а в Петербурге — в копиях хранились те самые документы, которые оформляли отречение от престола цесаревича Константина и передачу трона Николаю.

Предыстория создания этих документов уходит своими корнями в прошлое, и в ней до сих пор остается много неясного и загадочного. Здесь тесно переплелись две истории — отречение Константина от права на престол и ситуация, которую порождали не раз высказывавшиеся Александром I мысли о своем собственном отречении. Хотя эти две истории неразрывно связаны между собой, но остаются разными и по смыслу, и по вызвавшим их причинам.

Мысли о непомерной тяжести бремени государственной власти, желание избежать уготованной ему самим рождением участи быть российским императором появились у Александра еще в юношеские годы. Он опасался высказывать их слишком широко, однако не мог удержаться, чтобы не писать о них самым близким людям: своему наставнику швейцарцу Лагарпу и гр. В. П. Кочубею, тогда посланнику в Константинополе. Письма, о которых пойдет речь, передавались через доверенных лиц, и в них Александр мог быть вполне откровенным. 10 мая 1796 г. он писал Кочубею: «Одним словом, мой любезный друг, я сознаю, что не рожден для того сана, который ношу теперь, и еще менее для предназначенного мне в будущем, от которого я дал себе клятву отказаться тем или другим способом... Мой план состоит в том, чтобы по отречении от этого неприглядного поприща (я не могу еще положительно назначить время сего отречения) поселиться с женою

на берегах Рейна, где буду жить спокойно частным человеком, полагая свое счастье в обществе друзей и в изучении природы». О том же намерении «отказаться впоследствии от носимого звания» за несколько месяцев до этого он писал и Лагарпу. Александра угнетала мысль о том беспорядке в государственных делах, который царил в последние годы екатерининского царствования. Ему казалось, что он не будет в состоянии управлять огромной страной. «В наших делах, — писал он Кочубею, — господствует неимоверный беспорядок: грабят со всех сторон; все части управляются дурно; порядок, кажется, изгнан отовсюду, а империя стремится лишь к расширению своих пределов... При таком ходе вещей, — задавался вопросом император, — возможно ли одному человеку управлять государством, а тем более исправлять укоренившиеся в нем злоупотребления?» И тут же отвечал сам себе: «Это выше сил не только человека, одаренного, подобно мне, обыкновенными способностями, но даже и гения». Выход представлялся ему только в отречении от ждавшего его престола.

Можно ли сомневаться в искренности этих слов Александра? Конечно, постоянная необходимость лавировать между державной бабкой и ненавидевшим ее отцом (будущим императором Павлом I), стремление сохранить хорошие отношения и с царским двором в Петербурге, и с гатчинским изгнанником не могли не наложить глубокого отпечатка на формировавшийся характер будущего императора. Лицемерие как одну из определяющих черт характера Александра довольно единодушно отмечали хорошо знавшие его современники. Рассказывали даже такой анекдот. Из кабинета Александра, в то время уже императора, выходит, утирая слезы, один генерал (чуть ли не П. В. Голенищев-Кутузов, будущий петербургский генерал-губернатор и член Следственной комиссии по делу декабристов). Ожидающие приема бросаются к нему с расспросами и слышат в ответ: «Плакали оба, но кто кого обманул, не знаю». Анекдот выразительно говорит о том, как воспринимали Александра окружающие. Зная умение императора скрывать свои истинные мысли и чувства, следует ли верить в серьезность его тогдашних намерений отречься от прав на российский престол? Думается, что не доверять этому нет оснований. Искренность Александра вскоре была проверена на деле: в том же 1796 г. он отказался принять престол, минуя своего отца! Известно, что Екатерина II мечтала видеть своим преемником не сына, а внука, и будто бы в таком смысле было составлено ее завещание. Александр не только не скрыл намерения державной бабки от отца и отнюдь не пытался помешать восшествию Павла на престол, но сам содействовал этому. Стремись он царствовать, поведение его было бы иным.

Мысли о будущем отречении не оставляли Александра и после воцарения Павла I. Однако они приобрели уже иное направление. Первый год царствования отца убедил Александра, что его долг сперва осуществить на практике усвоенные им передовые идеи (в их числе и конституционное переустройство страны) и лишь затем сложить с себя бремя царской власти. «Если когда-либо придет и мой черед царствовать, — писал он Лагарпу 27 сентября 1797 г., — то вместо добровольного изгнания себя я сделаю несравненно лучше, посвятив себя задаче даровать стране свободу и тем не допустить ее сделаться в будущем игрушкой в руках каких-либо безумцев». Далее Александр высказал мысль, на которую обратим особое внимание читателей. Она очень важна для понимания скрытых пружин событий, разыгравшихся четверть века спустя. «Это заставило меня передумать о многом, — писал Александр, прямо связывая возможное будущее отречение с дарованием России конституции, — и мне кажется, что это было бы лучшим образцом революции, так как она была бы произведена законною властью, которая перестала бы существовать, как только конституция была бы закончена и нация избрала бы своих представителей». Несколькими строками ниже он написал о том же еще определеннее: «Но когда же придет и мой черед (царствовать. — С. М.), тогда нужно будет стараться, само собою разумеется постепенно, образовать народное представительство, которое, должным образом руководимое, составило бы свободную конституцию, после чего моя власть совершенно прекратилась бы, и я, если Провидение благословит нашу работу, удалился бы в какой-нибудь уголок и жил бы там счастливый и довольный, видя процветание своего отечества и наслаждаясь им». Письмо написано человеком, полным сил и бодро глядящим в будущее. Александр явно увлечен идеей преобразовать Россию и видит себя революционером на троне. Ему нет и 20 лет, а жизнь так много еще обещает впереди...

Теперь перенесемся на много лет вперед, в годы наивысшего триумфа Александра I — победителя Наполеона, освободителя Европы, неограниченного властителя огромной империи. Несмотря на блистательные успехи и мировую славу, именно в эти годы Александр возвратился к мысли об отречении от престола. Мы, правда, не располагаем подобными прежним прямыми свидетельствами об этом самого императора. Есть лишь несколько мемуарных свидетельств о таких настроениях Александра I.

Одно из самых важных — воспоминания цесаревича Константина Павловича. Как известно, он мемуаров не писал, однако часто делился своими устными воспоминаниями с окружающими. Несколько таких рассказов было записано в 1829 г. А. И. Михайловским-Данилевским

со слов П. Д. Киселева³, крупного государственного деятеля николаевского царствования, бывшего в свое время генерал-адъютантом Александра I. Все, что рассказал Киселев, настолько существенно, что нельзя не привести дневниковую запись Михайловского-Данилевского целиком. 10 июля 1829 г. он записал: «Во время вечерней прогулки я встретился с ген. Киселевым, мы разговаривали с ним о дворе, вот нечто, от него слышанное. В 1819 году государь Александр Павлович возвращался из Варшавы. Его провожал до Москвы старший цесаревич, который сам следующее обстоятельство рассказал Киселеву, что и я помещаю здесь в виде разговора:

А л е к с а н д р: Я должен сказать тебе, брат, что я хочу абдикировать, я устал и не в силах сносить тягость правительства. Я тебя предупреждаю для того, чтобы ты подумал, что тебе надобно будет делать в сем случае.

К о н с т а н т и н: Тогда я буду просить у вас место второго камердинера вашего, я буду вам служить и, ежели нужно, вам чистить сапоги. Когда бы я теперь это сделал, то почли бы подлостью, но тогда вы не будете на престоле — я докажу преданность мою к вам, как благодетелю моему. При сих словах государь поцеловал меня так крепко, — присовокупил цесаревич, — как еще никогда в сорок пять лет нашей жизни меня не целовал.

А л е к с а н д р: Когда придет время абдикировать, то я тебе дам знать, и ты мысли свои напиши к матушке.

Следовательно, догадка моя об отречении императора от престола, которую я поместил в журнале моем 1817 года, была справедлива. Государю хотелось перед отречением издать новые гражданские и уголовные законы и еще несколько коренных постановлений, чем и намеревался заключить свое царствование».

В этот же день А. И. Михайловский-Данилевский записал еще несколько рассказов Константина Павловича, слышанных Киселевым. Все они относятся ко времени коронационных торжеств в Москве летом 1826 г. Поэтому без большого опасения ошибиться можно предположить, что и рассказ о разговоре с братом относится к тому же времени. И это вполне объяснимо: когда же, как не во время коронации, вспоминать обстоятельства, поясняющие, почему коронуется не он, Константин, а Николай. В записи Михайловского-Данилевского особое внимание привлекают последние слова о том, что до отречения Александр хотел издать «новые гражданские и уголовные законы и еще несколько коренных постановлений». Над новыми уголовными и гражданскими кодексами в конце 1810-х — начале 1820-х годов действительно шла интенсивная работа, ничем, впрочем, не завершившаяся. Подготовленные проекты новых законов были обсуждены в Государственном Совете, а затем навсегда

отложены. Что же скрывается под довольно туманными словами «еще несколько коренных постановлений»? Человеку осведомленному об этом нетрудно догадаться. Именно осенью 1819 г. (об этом речь шла в предыдущей главе) в Варшаве, откуда возвращался император, развернулась активная работа над проектом российской конституции. Александр I несколько раз обсуждал ее принципы с Н. Н. Новосильцовым, а уезжая, утвердил ее основные положения. Напомним, что в 1819 г. несколько чиновников под руководством гр. А. Д. Гурьева по распоряжению Александра I работали над проектом освобождения крепостных крестьян. Конституция и отмена крепостного права представлялись императору тогда делом вполне реальным. В это-то самое время и состоялся столь примечательный его разговор с наследником-цесаревичем. Как тут не вспомнить письмо Александра I Лагарпу в 1797 г. и намерение отречься, когда удасться даровать народам России конституционное устройство? Трудно отказаться от мысли, что успешная работа над конституционным проектом и прямо высказанное императором намерение отречься от престола — тесно связанные вещи.

Схема 1797 г. в рассмотренной ситуации улавливается достаточно отчетливо. Появился, впрочем, и один новый аргумент в пользу отречения — накопившаяся усталость от бремени правления. О том, что такой огромной державой можно управлять, только пока чувствуешь в себе достаточно физических сил, Александр I, по свидетельству А. И. Михайловского-Данилевского, впервые заговорил еще в 1817 г. Надо сказать, что последний в течение многих лет как флигель-адъютант императора постоянно сопровождал его и в заграничных походах, и в многочисленных поездках по России и по Европе. Однажды во время поездки по России, как рассказывал Михайловский-Данилевский, за обедом зашел разговор об обязанностях различных людей, в том числе и монархов. Император сказал среди прочего, что правитель «должен оставаться на своем месте, пока ему позволяют это его физические силы». Словом, до тех пор, пошутил Александр, «пока он может сесть на лошадь». «При сих словах, — продолжал Михайловский-Данилевский, — на устах государя явилась улыбка выразительная, и он продолжал: — “Что касается меня, я сейчас чувствую себя хорошо, но через десять или пятнадцать лет, когда мне будет пятьдесят, тогда...”» Эти слова, как писал Михайловский-Данилевский, заставили его задуматься, не питает ли Александр I «в душе мысль об отречении от престола».

Рассказ Константина Павловича, дошедший до нас далеко не прямо, находит свое подтверждение в письменных свидетельствах других членов царской семьи. Николай I и его жена Александра

Федоровна вспоминали о другом разговоре, который состоялся у них с Александром I летом 1819 г., т. е. за несколько месяцев до объяснения императора с Константином. В это время в Красном Селе шли большие маневры. В них участвовала гвардейская бригада, которой командовал вел. кн. Николай Павлович. На маневрах был Александр I, и за обедом у Николая, когда никого, кроме великокняжеской четы, за столом не было, он сказал им, что намерен отречься от престола, а так как брат Константин также отказывается царствовать, то наследником престола будет Николай. Вот что вспоминала об этом разговоре Александра Федоровна. По ее рассказу, Александр сказал тогда: «...брат Константин, который никогда не заботился о престоле, теперь более, чем когда-либо, решил формально от него отказаться и передать свои права брату своему Николаю и его потомкам. Что же касается меня, то я решил отказаться от своих обязанностей и удалиться от мира... Европа более чем когда-либо нуждается в государях молодых и обладающих вполне энергией и силой, — продолжал он, — а я уже не тот, что был, и считаю своим долгом вовремя удалиться».

Более подробно о состоявшемся летом 1819 г. разговоре вспоминал в своих мемуарах Николай I, писавший их для своих детей в несколько приемов в 1830–1840-х годах. По его словам, Александр говорил тогда, «что он чувствует, что силы его ослабевают, что в нашем веке государям кроме других качеств нужны физическая сила и здоровье для перенесения больших и постоянных трудов; что скоро он лишится потребных сил, чтоб по совести исполнять свой долг, как он его разумеет; и что потому он решился, ибо сие считает долгом, отречься от правления с той минуты, когда почувствует сему время. Что он неоднократно о том говорил брату Константину Павловичу, который, быв одних с ним почти лет, в тех же семейных обстоятельствах, притом имея природное отвращение к сему месту, решительно не хочет ему наследовать на престоле, тем более что они оба видят в нас знак благодати Божией — дарованного нам сына. Что поэтому мы должны знать наперед, что мы призываемся на сие достоинство.

Мы были поражены как громом. В слезах, в рыдании от сей ужасной неожиданной вести мы молчали!» На все возражения Николая, что у него нет никаких способностей, чтобы управлять столь огромной страной, Александр отвечал отказом и приводил брату в пример самого себя. Он получил дела в «совершенном запустении», но многое сумел исправить и улучшить, и потому Николай «найдет все в порядке, который тому останется только удерживать».

Итак, после всех приведенных свидетельств можно не сомневаться, что летом — осенью 1819 г. между членами императорской

семьи обсуждался вопрос не только о передаче права на престол от Константина к Николаю, но и о возможном отречении от престола Александра I. Говорил ли император братьям, что намерен отречься тогда, когда будет готова конституция? Из воспоминаний Константина, Николая и Александры Федоровны следует как будто, что нет. Однако напомним о том, что Константин Павлович рассказывал Киселеву о своем разговоре со старшим братом во время коронационных торжеств в Москве. Стал бы он говорить ему о конституционных планах Александра в связи с отречением, даже если бы он был о них осведомлен, в минуты торжества самодержавного принципа, особенно через несколько месяцев после восстания декабристов? Очень сомнительно. Вряд ли мог поднимать вопрос о конституции в своих воспоминаниях и Николай I. За всю свою жизнь он ни разу не обмолвился о конституции, которую готовил для России Александр I, хотя отлично знал о ее существовании (во время польского восстания 1830–1831 гг., как мы уже говорили, она была обнаружена в канцелярии Новосильцова и опубликована польским революционным правительством). Еще менее вероятно, чтобы об этом могла писать в сложный период междуцарствия Александра Федоровна. Как видим, у всех троих членов царской семьи были веские основания не распространяться о подготовке Александром I конституции, особенно когда это можно было бы поставить в связь с его отречением от престола.

Как же развивались события дальше? В 1820 г. Константин Павлович официально расторг свой брак с великой княгиней Анной Федоровной⁴, которая еще в 1801 г. покинула Россию и больше в нее не возвращалась. Через несколько месяцев было объявлено, что он вступил в новый брак с польской графиней Иоанной Грудзинской⁵. Не принадлежа ни к одной из царствующих династий, новая жена цесаревича Константина по существовавшему законодательству не получала никаких привилегий, кроме титула княгини Лович. Вступив в новый брак, Константин Павлович вовсе не утратил своих прав на русский престол, как нередко пишут иные исследователи. Этому права лишались только его дети, если бы им суждено было появиться на свет.

На протяжении двух лет (1820-го и 1821-го) вопрос о престолонаследии больше не поднимался. И только в начале 1822 г. к нему вернулись вновь. Живший зимой 1821/22 г. в Петербурге цесаревич Константин Павлович решил воспользоваться удобным временем, чтобы добиться окончательного решения вопроса. После нескольких обсуждений, в которых принимала участие вдовствующая императрица Мария Федоровна (мать Александра, Константина, Николая и Михаила), в один из январских дней 1822 г. Александр уступил настойчивым просьбам брата. Решено было, что Константин письмен-

но обратиться к императору с просьбой о передаче престола другому наследнику. 14 января 1823 г. Константин прислал брату письмо, в котором писал: «Не чувствуя в себе ни тех дарований, ни тех сил, ни того духа, чтоб быть когда бы то ни было возведена на то достоинство, к которому по рождению моему могу иметь право, осмеливаюсь просить вашего императорского величества передать сие право тому, кому оно принадлежит после меня, и тем самым утвердить навсегда непоколебимость положения нашего государства».

Спустя две недели Александр ответил Константину собственноручным письмом, в котором объявлял, что он и мать согласны на его отречение от прав на престол. «Нам обоим остается, — говорилось в письме, — уважив причины, вами изъясненные, дать полную свободу вам следовать непоколебимому решению вашему, прося всемогущего Бога, дабы Он благословил последствия столь чистейших намерений». Однако имя нового наследника вместо Константина в письме не было названо. Это так же странно, как и то, что после обмена столь важными для судьбы престолонаследия письмами Александр еще целых полтора года не предпринимал никаких шагов, чтобы придать отречению Константина законные формы. На это стоит обратить особое внимание. Все переговоры о наследнике российского престола были окружены такой тайной, что даже Николай ничего не знал о них наверняка (во всяком случае так он писал в своих воспоминаниях). Только изредка Александр I напоминал ему разными намеками, что царствовать предстоит именно ему, да Мария Федоровна иногда расспрашивала, не знает ли он о существовании письменного отречения Константина.

Только в августе 1823 г. был наконец составлен манифест, в котором наследником российского престола объявлялся вел. кн. Николай Павлович. Манифест был составлен московским архиепископом Филаретом, собственноручно исправлен Александром I и прислан обратно Филарету для хранения в Успенском соборе в запечатанном конверте вместе с двумя упомянутыми письмами. Ни о какой возможности отречения самого Александра в нем не было речи. Манифест составлялся на случай внезапной кончины Александра (которой он сам реально не имел причин ожидать), чтобы не оставить Россию без наследника престола. Однако, оставаясь неоглашенным, манифест не имел никакой законной силы. Это подтвердилось событиями ноября 1825 г.

Итак, дело на всякий случай было сделано, но продолжало сохраняться в абсолютной тайне. Кроме Александра I, Константина и Марии Федоровны о существовании манифеста о передаче права на престол от Константина к Николаю в стране знали только трое: А. А. Аракчеев, А. Н. Голицын (его рукой были переписаны копии документов, посланные в Государственный Совет, Сенат и Синод)

и Филарет. Эта тайна и создала ту ситуацию, в которой стало возможным открытое вооруженное выступление против самодержавной власти. Опубликуй Александр I оставшиеся для всех секретом документы, появившись царский манифест еще в 1823 г., не возникла бы потом сама возможность двух присяг. Именно стремление таить от общества все самые важные государственные дела, боязнь гласного обсуждения любого мало-мальски серьезного вопроса привели самодержавие на край пропасти.

Почему же Александр I не огласил законным порядком подготовленные документы? Мог ли он не понимать, что, оставляя их в тайне, ставил под угрозу основополагающий принцип любой монархии — законность перехода власти от одного самодержца к другому? В это нельзя поверить. Тогда в чем же дело?

В поисках ответа на этот вопрос вернемся еще раз к тексту манифеста 16 августа 1823 г. В нем излагались мотивы, по которым император не мог ранее назначить себе преемника, не теряя еще надежды на рождение «наследника престола по прямой линии». Далее говорилось об отказе Константина от прав на престол и наследником объявлялся Николай. «Вследствие того, — гласил манифест, — на точном основании акта о наследовании престола наследником нашим быть второму брату нашему великому князю Николаю Павловичу».

Казалось бы, на этом следовало закончить. Однако за объявлением наследником Николая следовало довольно длинное продолжение. Перед нами такой странный текст, что его стоит привести целиком. «После сего мы остаемся в спокойном уповании, — сказано в манифесте, — что в день, когда царь царствующих по общему для земнородных закону воззовет нас от сего временного царствия в вечность, государственные сословия, которым настоящая непреложная воля наша и сие законное постановление наше в надлежащее время по распоряжению нашему должно быть известно, немедленно принесут верноподданническую преданность свою назначенному нами наследственному императору единого нераздельного престола Всероссийския империи, Царства Польского и княжества Финляндского». С какой целью это написано? Ведь утверждение, что новый наследник престола будет назван «в надлежащее время» по распоряжению Александра I, сразу делало невозможным издание самого такого манифеста. Получалось, что до него должен быть опубликован еще один акт, в котором говорилось бы о том же самом. Сделав такую приписку к его основному тексту, Александр I исключал возможность оглашения манифеста. Такие шаги делают только сознательно. Не располагая никакими фактическими данными, рискнем все же высказать одну гипотезу, объясняющую мотивы действий Александра I.

На окончательном решении вопроса о наследнике престола постоянно настаивал Константин. Своим отказом царствовать и требованием законного оформления нового наследника он вынуждал императора действовать. Да и сам Александр понимал, как опасна неясность в таком важном вопросе. Об этом недвусмысленно заявлено в манифесте 16 августа 1823 г.: «Мы чувствуем себя обязанными... не только во дни наши охранять и возвышать благоденствие... отечества и народа, но также предуготовить и обеспечить их спокойствие и благосостояние после нас чрез ясное и точное указание преемника нашего». С другой стороны, Александр I не мог не понимать, что более удобный момент для изменения политической системы, чем объявление о новом наследнике престола, трудно найти. Хотя, как показано в предыдущей главе, к 1822 г. всякие реальные надежды на возможность конституционного переустройства России у императора окончательно исчезли, но навсегда расстаться с тем, к чему он стремился почти всю свою жизнь, Александр I был не в силах. Именно в то самое время, когда рушились один за другим разрабатывавшиеся планы, приходило понимание недостижимости задуманного, обернувшееся для императора тяжелым душевным кризисом и уходом в мистицизм, ему приходилось решать вопрос о престолонаследии. Обнародование манифеста, где наследником Александра I без всяких условий назывался Николай, означало бы окончательное признание самому себе, что с мечтами о конституции покончено навсегда. Это одновременно делало очень сомнительной и возможность собственного отречения. Смириться со всем этим психологически было невыносимо. Поэтому, уступая нажиму Константина, Александр подготовил все необходимое для законного оформления передачи престола, но так и не смог решиться придать этому официальную силу, оставляя для себя иллюзию возможности иного выбора. В действительности его не было. Нерешительность политики не только привела к отказу от коренных реформ, но в конце концов создала условия для вооруженного восстания.

19 ноября 1825 г. вдали от столицы, в Таганроге, Александр I умер. 25 ноября около четырех часов пополудни четыре лица в Петербурге получили известие, что император умирает. Это были: статс-секретарь вдовствующей императрицы Марии Федоровны Г. И. Вилламов, председатель Государственного Совета кн. П. В. Лопухин, петербургский генерал-губернатор гр. М. А. Милорадович и дежурный генерал Главного штаба А. Н. Потапов⁶.

Немедленно состоялось совещание, в котором приняли участие Милорадович, Потапов, командующий гвардией Воинов и начальник штаба гвардейского корпуса генерал Нейдгарт. Последний писал через три дня в Таганрог начальнику Главного штаба генерал-адъютанту

И. И. Дибичу: «25-го числа вечером мы получили от вас первое несчастное извещение; оправившись от первого удара, Воинов, Милорадович в присутствии моем и Потапова, решили держать это известие пока в тайне, о чем оба генерала посоветовались еще с Лопухиным». Вечером того же дня Милорадович передал известие вел. кн. Николаю Павловичу, который впоследствии вспоминал: «25-го ноября, вечером, часов в шесть, я играл с детьми, у которых были гости, как вдруг пришли мне сказать, что военный генерал-губернатор граф Милорадович ко мне приехал; я сейчас пошел к нему и застал его в приемной... живо ходящим по комнате с платком в руке и в слезах; взглянув на него, я ужаснулся и спросил: “Что это, Михаил Андреевич? Что случилось?” Он мне отвечал: “Ужасное известие”. Я ввел его в кабинет, и тут он, зарыдав, отдал мне письмо от князя Волконского и Дибича, говоря: “Император умирает, остается лишь слабая надежда”. У меня ноги подкосились; я сел и прочел письма, где говорят, что хотя не потеряна всякая надежда, но что государь очень плох».

То, что произошло в последующие часы, было непосредственным результатом тайных действий Александра I и привело к междуцарствию.

Вечером, после описанного разговора, Николай поехал в Зимний дворец, где застал Марию Федоровну в «ужасных терзаниях». Именно здесь он впервые, по его словам, достоверно узнал, что Константин, законный наследник престола, окончательно отказался от короны еще несколько лет назад и что существуют официальные акты, передающие корону ему, Николаю.

В официальной записке о дальнейших событиях, составленной позже по приказанию Николая для цесаревича Константина, говорилось: «Его императорское высочество, граф Милорадович и генерал Воинов приступили к совещанию, какие бы нужно принять меры, если бы, чего Боже сохрани, получено было известие о кончине возлюбленного монарха. Тогда его императорское высочество предложил свое мнение, дабы в одно время при объявлении о сей неизречимой потере провозгласить и восшедшего на престол императора, и что он первый присягнет старшему своему брату, как законному наследнику престола».

Однако на самом деле все было не совсем так, и этот официальный документ призван был не столько прояснить истинное положение дел, сколько скрыть его. Ф. П. Опочинин⁷, бывший адъютант Константина, человек вполне осведомленный, рассказал декабристу С. П. Трубецкому, как протекала эта беседа генералов с вел. кн. Николаем Павловичем. Когда последний заявил Милорадовичу и Воинову о своем праве на престол и намерении его занять, рассказывал в своих воспоминаниях Трубецкой, «граф Милорадович

отвечал наотрез, что великий князь Николай Павлович не может и не должен никак надеяться наследовать брату своему Александру в случае его смерти; что законы империи не позволяют располагать престолом по завещанию, что притом завещание Александра известно только некоторым лицам, а неизвестно в народе; что отречение Константина тоже не явное и осталось необнародованным; что император Александр, если хотел, чтобы Николай наследовал после него престол, должен был обнародовать при жизни волю свою и согласие на нее Константина; что ни народ, ни войско не поймут отречения и припишут все измене, тем более что ни государя самого, ни наследника по первородству в столице нет, но оба были в отсутствии; что, наконец, гвардия решительно откажется принести Николаю присягу в таких обстоятельствах и неминуемое затем последствие будет возмущение. Сопрошение продолжалось до двух часов ночи. Великий князь доказывал свои права, но граф Милорадович признать их не хотел и отказал в своем содействии». С этого момента одним из главных действующих лиц междуцарствия стал М. А. Милорадович.

В томительном ожидании прошло более суток, пока наконец утром 27 ноября фельдъегерь привез известие о кончине Александра I. В этот момент Николай, его мать и жена находились в большой церкви Зимнего дворца. Николай писал потом: «Там дверь в переднюю была стеклянная, и мы условились, что, буде приедет курьер из Таганрога, камердинер сквозь дверь даст мне знать. Только что после обедни начался молебен, знак мне был дан камердинером Гриммом. Я тихо вышел и в бывшей библиотеке, комнате короля прусского, нашел графа Милорадовича. По лицу его я уже догадался, что роковая весть пришла. Он мне сказал: “Все кончено, мужайтесь, дайте пример”, — и повел меня под руку. Так мы дошли до перехода, что был за кавалергардской комнатой; тут я упал на стул, все силы меня оставили».

Дальше все шло так, как того хотел Милорадович. Известив Марию Федоровну о случившемся, Николай присягнул новому императору Константину, за ним — Милорадович и присутствовавшие генералы. Затем Николай немедленно привел к присяге внутренних и главных дворцовые караулы, а начальника штаба гвардейского корпуса генерал-майора Нейдгарта послал в Александрово-Невскую лавру, где собран был для молебна во здравие Александра гвардейский генералитет во главе с Воиновым.

Вскоре повсеместно полки стали присягать Константину. Удивленные современники заметили явную несообразность в порядке присяги: вместо гражданских властей первыми присягнули войска. Графиня Нессельроде⁸ писала в письме: «Великий князь проявил

большую торопливость; он на все стороны приказывал присягать без всякого порядка: это к тому привело, что войска выполнили это раньше правительственных властей».

Когда Николай рассказал о присяге императрице-матери, она в ужасе воскликнула: «Что сделали вы, Николай? Разве вы не знаете, что есть акт, который объявляет вас наследником?»

Петербургский гарант завещания покойного императора кн. А. Н. Голицын оказался во время присяги в лавре. Услышав о смерти Александра, он бросился во дворец. «В исступлении, вне себя от горя, но и от вести во дворце, что все присягнули Константину Павловичу, он начал мне выговаривать, зачем я брату присягнул и других сим завлек, и повторил мне, что слышал от матушки, и требовал, чтобы я повиновался мне неизвестной воле покойного государя. Я отверг сие неуместное требование положительно, и мы расстались с князем, я — очень недовольный его вмешательством, он — столь же моей неуступчивостию», — вспоминал Николай.

После того как вопреки закону и традиции войска присягнули первыми, надо было организовать присягу правительственных учреждений, и прежде всего Государственного Совета. Поскольку один из экземпляров завещания хранился именно там, то вопрос о престолонаследии должен был встать и в нем с особой остротой.

После двух часов пополудни собрался Государственный Совет. Голицын сообщил о завещании Александра, хранившемся здесь. Часть членов Совета не склонна была знакомиться с завещанием мертвого императора, которое могло привести их к столкновению с живым. Министр юстиции кн. Лобанов-Ростовский и адмирал Шишков предложили пакет не распечатывать, а идти присягать Константину. Но большинство решило иначе, и пакет был принесен. Не было, однако, еще Милорадовича, ожидали его. Но когда Милорадович пришел, то он вовсе не выразил желаний слушать чтение бумаг. «Я имею честь донести Государственному Совету, — сказал он, — что его императорское высочество великий князь Николай Павлович изволил учинить присягу на подданство старшему брату своему императору Константину Павловичу. Я, военный генерал-губернатор, и войска уже присягнули его величеству, а потому советую господам членам Государственного Совета прежде всего тоже присягнуть, а потом уж делать что угодно!»

Однако большинство Совета настояло на том, чтобы выслушать манифест Александра и письмо Константина. Бумаги были прочитаны, и положение членов Государственного Совета стало весьма двусмысленным. Выполняя волю покойного императора, они противопоставили бы себя генералитету, гвардии, наконец, законному наследнику, который мог и отказаться от своего прежнего решения.

Члены Государственного Совета решили все же пригласить Николая в совет. Пошедший за ним Милорадович, вернувшись, сообщил, что великий князь, не будучи членом Государственного Совета, не считает себя вправе явиться в таковой. Тогда Совет просил Милорадовича исходатайствовать у великого князя разрешение явиться к нему в полном составе.

Бледный, взволнованный Николай, по свидетельству государственного секретаря А. Н. Оленина, заявил членам: «Господа, я вас прошу, я вас убеждаю для спокойствия государства, немедленно, по примеру моему и войска, принять присягу на верное подданство государю императору Константину Павловичу. Я никакого другого предложения не приму и ничего другого и слушать не стану». В записке Оленина есть существенный момент: Николай ясно и четко объявил членам Совета, что о содержании манифеста и об отречении цесаревича ему известно. Это служит определенным подтверждением достоверности воспоминаний С. П. Трубецкого.

Тогда же решили не вскрывать пакет с завещанием, хранившимся в Сенате, и не знакомить с ним сенаторов. Государственный Совет присягнул. Вскоре присягнул и Сенат.

Через четыре года в личной беседе Николай сказал Константину: «В тех обстоятельствах, в которые я был поставлен, мне невозможно было поступать иначе».

Таким образом, в первый же день после известия о смерти императора произошло резкое столкновение двух сил: тех, кто пытался сохранить законность хотя бы в юридических нормах абсолютной монархии, и претендента на престол, выдвинутого его предшественником с полным нарушением законности. Николай заявил о своих правах на престол, но Милорадович, в руках которого как петербургского военного генерал-губернатора была в тот момент решающая воинская сила, резко этому воспротивился и фактически принудил Николая отступить и первым присягнуть Константину, объявив его императором. Тут же присягнули и войска, подчиненные Милорадовичу. Подчеркнем, что присяга Государственного Совета протекала в условиях этих уже свершившихся фактов. Тем не менее она прошла с серьезными затруднениями. Мы видели, что часть членов Совета настояла на том, чтобы прежде присяги были оглашены документы, оставленные Александром, а после того они пожелали лично убедиться, что Николай, игнорируя волю покойного императора, присягнул старшему брату. Но затем присяга была совершена, и, таким образом, с этого момента официально началось царствование Константина (хотя впоследствии было столь же официально признано, что царствование Николая началось с момента смерти Александра).

Однако сам Константин присяги не признал. Он был тверд в своем решении никогда не царствовать. Так самодержавие само создало династический кризис, спровоцировав столкновение различных группировок в борьбе за власть. Константин не желал пользоваться своими правами, а противники Николая (его непопулярность была огромна и общеизвестна) делали все возможное, чтобы помешать ему стать императором. Это с каждым днем усугубляло и обостряло ситуацию. А огласил Александр состоявшееся отречение Константина от права на престол и объявил он своевременно Николая законным наследником, ничего этого не было бы. Не было бы разногласий о том, кто должен царствовать, не было бы первой присяги Константину, не было бы междоусобия, династического кризиса — словом, не было бы той сложной и удивительной ситуации, которая способствовала восстанию декабристов.

Что определило подобный исход событий? Случайность или закономерность? И то и другое. В действиях Александра I, оставившего в глубокой тайне решение жизненно важного вопроса, наглядно проявилась закономерность, присущая вообще любому авторитарному строю, — стремление сохранить в тайне обсуждение и подготовку принципиально важных решений. Но нельзя отрицать и присутствие здесь значительного элемента случайности. Не заболел Александр во время поездки на юг, не настигнул его внезапная смерть, большинство заговорщиков, без сомнения, были бы вскоре арестованы. Напомним читателям широко известные факты, собранные и проанализированные в работах как советских, так и дореволюционных историков.

Еще летом 1825 г. Александр I получил от унтер-офицера 3-го Украинского уланского полка И. В. Шервуда первое известие о существовании противоправительственного заговора на юге. 17 июля доносчика доставили в Петербург, и в тот же день он был принят Александром. Хотя его рассказ не показался императору убедительным (Шервуд знал только о самом факте заговора и не мог сообщить ничего конкретного; из членов тайного общества он к этому времени знал одного Ф. Ф. Вадковского⁹), он тем не менее повелел действовать дальше с целью получить неопровержимые доказательства существования тайного общества.

1 сентября 1825 г. Александр I выехал из Петербурга в длительное путешествие по югу России. Новое донесение Шервуда было получено им уже в Таганроге. В нем по-прежнему не было никаких конкретных сведений о тайном обществе, но зато Шервуд сообщал о разговоре с Ф. Ф. Вадковским, в котором последний охотно обсуждал с провокатором вопрос о цареубийстве. Шервуд просил прислать к нему

на помощь в Харьков доверенного чиновника. 11 октября Александр I передал донесение сопровождавшему его в путешествии начальнику Главного штаба И. И. Дибичу. Последний, прочтя его, уверял императора, что все это «выдумка» и «кончится вздором». Александр отвечал: «Ты ошибаешься, Шервуд говорит правду, я лучше вас знаю людей». Однако просьба доносчика тогда не была удовлетворена. Лишь месяц спустя Александр I распорядился, чтобы Дибич отправил к Шервуду в Харьков полковника лейб-гвардии казачьего полка С. С. Николаева якобы для «покупки лошадей», а на самом деле с приказом захватить бумаги Вадковского и его сообщников. В отправленном с Николаевым письме содержалась просьба Дибича, чтобы Шервуд «указал способы» схватить выявленных «заговорщиков».

К такому шагу Александра I, несомненно, подтолкнул еще один полученный им к этому времени донос, подтвердивший сведения о существовании в армии обширного заговора. Агенту начальника южных военных поселений генерала И. О. Витта А. К. Бошняку¹⁰ удалось проникнуть в тайное общество. В августе 1825 г. Витт отправил донесение об этом Александру I, а 19 октября был принят императором в Таганроге. Судя по всему, Александру была представлена картина широкого заговора, охватившего чуть ли не всю армию. Как писал впоследствии И. И. Дибич Николаю I, Витт говорил о том, что тайное общество «значительно увеличилось», что «18-я пехотная дивизия в особенности заражена сим духом и что в оной играет главную роль командир Вятского пехотного полка Пестель». В числе «деятельнейших» членов Витт назвал М. Ф. Орлова, В. Давыдова¹¹, Н. А. Крюкова¹², В. Н. Лихарева¹³, Н. М. Муравьева, Н. А. Бестужева¹⁴, К. Ф. Рылеева¹⁵.

После смерти Александра I в его кабинете была обнаружена написанная его рукой записочка, не имевшая ни адресата, ни даты. «Есть слухи, что пагубный дух вольномыслия или либерализма, — говорилось в ней, — разлит или по крайней мере сильно уже разливается и между войсками; что в обеих армиях, равно как и в отдельных корпусах, есть по различным местам тайные общества или клубы, которые имеют притом секретных миссионеров для распространения своей партии.

Ермолов, Раевский, Киселев, Мих. Орлов, гр. Гурьев, Дмит. Столыпин и многие другие из генералов, полковников, полковых командиров; сверх сего, большая часть разных штаб и обер-офицеров». Выяснить, кому предназначалась эта записка и зачем она была написана, стали, как только она была обнаружена. 18 марта 1826 г., в разгар следствия по делу декабристов, записка была послана Константину Павловичу в Варшаву. Возвращая ее, тот писал 26 марта И. И. Дибичу:

«Хотя покойный государь император изволил часто говаривать со мною о подобных обстоятельствах, но об сей записке я не знал, а полагаю, что она следовала или к графу Алексею Андреевичу Аракчееву, или к князю Александру Николаевичу Голицыну».

И до сих пор эта записка Александра I остается столь же загадочной, какой была в 1826 г. для Николая I и его окружения. Из переписки с Константином видно, что о ней ничего не знал И. И. Дибич, постоянно находившийся при Александре I во время поездки на юг. Ясно только, что это результат размышлений императора после первых полученных доносов. Вероятнее всего, записка была написана после разговора с Виттом, состоявшегося в Таганроге 19 октября 1825 г. Б. Е. Сыроечковский¹⁶, опубликовавший в 1925 г. записку А. К. Бошняка «О сношениях моих с некоторыми заговорщиками», представленную в Следственный комитет по делу декабристов, писал, в частности, что через Бошняка Витт пытался выяснить, нет ли связей между заговорщиками и видными деятелями того времени — генералами П. Д. Киселевым, Н. Н. Раевским (старшим)¹⁷, сенатором Д. П. Троцинским. Впрочем, у Александра I мог быть и иной источник информации, оставшийся неизвестным. Напомним хотя бы о юрьевском архимандрите Фотии, фигуре вполне одиозной, который постоянно внушал императору мысль о чуть ли не всемирном революционном заговоре против монархий.

Обращает на себя внимание осторожность, с которой сформулирована в записке основная мысль Александра I. Он вовсе не утверждал, что тайный заговор существует, а писал лишь о слухах («говорят»). Верил ли он тому, о чем «говорят», из текста записки не ясно. Однако воспоминания тех, кто находился с ним в Таганроге, свидетельствуют как будто, что Александр не слишком доверял доносам и считал, что заговор, если он и существует, опасности для престола не представляет и может быть с легкостью разрушен своевременными арестами. В 1829 г. А. И. Михайловский-Данилевский записал весьма примечательный рассказ И. И. Дибича об отношении Александра I к тайным обществам. «После обеда, — читаем мы в его дневнике за 5 октября 1829 г., — зашла речь о бывшем в Р<оссии> недавно заговоре 14 декабря. Фельдмаршал, находившийся тогда при государе, сказал: “Император Александр знал, что был заговор; также ему было известно, что прекратили члены одного свои заседания в 1822 году. Он молчал, и когда возник вновь заговор, то он намерен был в походе 1825 года велеть схватить преступников, но кончина ему в том воспрепятствовала. Государь почитал это пустяками, а себя слишком твердым на своем престоле”». «Из сих слов самой доверенной особы, каковою был граф Дибич, надобно заключить, — подчеркивал

Михайловский-Данилевский, — что слухи, будто бы мысли о заговоре имели влияние на кончину государя, несправедливы». Воспоминания Дибича не оставляют сомнений, что Александр I, осведомленный о возобновлении деятельности тайных обществ, казалось бы навсегда похороненных после 1822 г., готов был действовать вполне решительно.

После смерти императора 1 декабря в Таганроге был получен еще один донос — близкого к Пестелю члена Южного общества капитана Вятского пехотного полка А. И. Майбороды¹⁸. Это донесение окончательно развеяло все сомнения относительно существования и целей тайного общества. В нем были перечислены 46 декабристов, в том числе почти все руководители Южного общества и многие члены Северного. Во всех трех доносах главой заговора на юге единодушно назывался командир Вятского полка, бывший адъютант главнокомандующего 2-й армией П. Х. Витгенштейна¹⁹ полковник П. И. Пестель. Колебаться было больше нельзя, нужно было действовать. 5 декабря из Таганрога выехал генерал-адъютант А. И. Чернышев²⁰ (затем один из самых грубых и ревностных следователей по делу декабристов) с приказом И. И. Дибича арестовать П. И. Пестеля. Аресты начались...

Однако, прежде чем поставить точку, вернемся к событиям, разыгравшимся в Таганроге в ноябре 1825 г. и связанным с болезнью и смертью Александра I.

Внезапная смерть не достигшего еще и 50 лет императора, здоровье которого не внушало никаких опасений, смерть, происшедшая вдалеке от столицы, в маленьком Таганроге, породила среди современников, и особенно потомков, много недоумений, слухов, легенд. Почти сразу же после кончины императора стали поговаривать, что он вовсе не умер, а удалился в неведомый монастырь. Главная же легенда возникла позднее, на рубеже 1850–1860-х годов, и связана с именем сибирского старца Федора Кузьмича. Старец появился в Сибири в 1837 г. Свое прошлое он тщательно скрывал, отделяясь от вопросов туманными намеками. Сам ли Федор Кузьмич был источником слуха о том, что он не кто иной, как Александр I, или же эта версия принадлежит томскому купцу Хромову, на заимке которого под Томском долгие годы жил старец, установить, видимо, уже не удастся. Важно другое: раз возникнув, легенда получила довольно широкое распространение. Вел. кн. Николаю Михайловичу, внуку Николая I, известному историку, удалось установить, что Хромов после смерти Федора Кузьмича (20 января 1864 г.) дважды приезжал в Петербург: в 1866 г. и в начале царствования Александра III, добиваясь высочайшей аудиенции. К одному из своих прошений на имя Александра III он приложил фотографию старца. Настойчивость

Хромова не оставляет сомнений в его твердой уверенности, что у него жил именно удалившийся от мира Александр I. Могила Федора Кузьмича в Томске и его келья на заимке Хромова стали объектом поклонения. В начале XX в. легенда эта появилась на страницах печати, что и побудило вел. кн. Николая Михайловича заняться ею. Тщательно изучив все обстоятельства и рассмотрев различные версии, он пришел к твердому убеждению, что легенда о Федоре Кузьмиче не имеет под собой никаких реальных оснований. В частности, сличение единственной сохранившейся собственноручной записки старца с автографами Александра I однозначно показало полное различие почерков.

Однако и до сих пор вопрос о том, действительно ли Александр умер в Таганроге, не было ли это хорошо разыгранным спектаклем (высказывалось, например, предположение, что за скончавшегося императора был выдан один из его слуг, внезапно умерший в Таганроге), в таком необычном виде осуществившим давнюю мечту императора об отречении, возникает время от времени на страницах книг и журналов.

Легенда о добровольном отречении самодержца от власти и его смиренном уходе на дальнюю сибирскую заимку необыкновенно привлекательна. Однако она решительно не подтверждается фактами. Помимо того анализа, который провел вел. кн. Николай Михайлович, обратим внимание на еще одно важнейшее обстоятельство, исключающее возможность этой версии. Если предположить, что, не решаясь на публичное отречение, Александр I задумал бы столь необычный способ отказа от власти, то очевидно, что главной его заботой перед этим должно было бы стать упорядочение вопроса о престолонаследии. Но ничего подобного предпринято не было. Более того, никто из лиц, окружавших императора в последние его дни в Таганроге, даже не подозревал о запечатанных пакетах, хранивших тайну перехода престола от Константина к Николаю. Обратимся вновь к воспоминаниям И. И. Дибича, записанным в 1829 г. А. И. Михайловским-Данилевским. Он рассказывал: «О назначении Николая Павловича наследником престола при жизни Александра никто не знал, кроме двух особ — митрополита Филарета и князя Голицына... Императрица Елизавета Алексеевна, бывшая в последнее время единственным другом Александра, не знала даже об отречении цесаревича. Вот тому доказательство. Когда в Таганроге болезнь Александра не подавала уже никакой надежды к его выздоровлению, князь Волконский советовал мне спросить у императрицы: к кому в случае кончины государя должно будет относиться мне как начальнику Главного штаба его величества». Дибич просил о том же самого Волконского. «Мы вошли

с ним вдвоем в комнату государя, лежавшего в забытьи, — продолжал Дибич. — Волконский, подойдя к Елизавете Алексеевне, сказал ей, что я как начальник штаба прошу ее, к кому в случае несчастья мне должно будет относиться... Разумеется, сказала государыня, что в несчастном случае надобно будет относиться к Константину Павловичу. Сии слова явно доказывают неведение императрицы о том, кто был назначен наследником престола».

Рассмотрим, наконец, и то несомненное соображение, что, задумав тайно исчезнуть, Александр не мог не прибегнуть к помощи ближайших людей из своего окружения — того же И. И. Дибича или П. М. Волконского. И значит, он должен был им сообщить о смене наследника. Но 19 ноября 1825 г. никто в Таганроге не знал, что Константин отрекся. Поэтому первого курьера с известием о смерти императора Дибич отправил именно к Константину в Варшаву с надписью на конверте: «Его императорскому величеству», что означало признание цесаревича императором. Находясь в Таганроге, Александр I не только не готовился к отречению, но и не расставался с мечтами о будущей конституции, о реформах, которые преобразят страну. Во время последней встречи с Виттом он излагал ему планы разбить империю на наместничества, перенести столицу в Киев и т. п.

Все это вместе взятое решительно убеждает в том, что Александр вовсе не отрекся тайно от престола. Он умер, так и не осуществив задуманные реформы и даже не сделав законными отречение Константина и передачу права на престол Николаю. Какой же вывод можно сделать из этой удивительной истории? В любом случае, продолжилось бы царствование Александра I или на престол обычным путем вступил бы законный наследник, судьба тайных обществ декабристов была решена. И если бы восстания 14 декабря 1825 г. не произошло, то это круто повернуло бы всю последующую историю России.

